

Религиоведение. 2025. № 2. С. 112–121.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2025. No. 2. P. 112–121.

DOI: 10.22250/20728662-2025-2-112-121

Тоноян Т.В.

*Ереванский государственный университет
0025, Армения, г. Ереван, ул. Алека Манукяна 1
tonoyantadevos@ysu.am, aghbyur@yandex.ru*

Этнокультурные и ценностно-системные представления о хлебе в контексте армянского языка

Аннотация. Есть явления, которые приобретают особое значение в жизни человека как в материальном, так и в духовном плане. Это происходит тогда, когда физическое приобретает духовно-психологическое содержание и начинает развиваться как определённая часть ценностной системы общества, постепенно расширяя его этнокультурное и ценностно-системное значение. Наверное, невозможно выделить для человека более важные вещи, чем воздух, т. е. кислород, хлеб и вода. Следует отметить, что цивилизация всегда совмещала восприятие хлеба с явлениями иррациональной сферы, чтобы хоть как-то облегчить его материальную тяжесть. Такие совмещения часто происходили с разными целями. Эти цели можно разделить на две группы. Концепцию первой, пожалуй, можно сформулировать следующим образом: «Чтобы установить институциональный контроль над иррациональными страстями души (энергией) и рациональными притязаниями духа (волей) масс, в разное историческое время инсценировались различные социокультурные и художественные практики (хлеб и зрелище, хлеб и вера, хлеб и идеология)» [Арутюнян, 2020, 16]. Однако то, что называют иррациональной стороной этой проблемы, не всегда следует объяснять первой, ведь у человека имеется и естественное стремление добиваться духовного удовлетворения, которое формулировалось формулой «Не одним хлебом живёт человек, но и каждым словом, исходящим из уст Божьих» [Мф. 4:4], поскольку после достижения рациональных целей человек вновь испытывает духовную недостаточность, часто даже в этом случае его духовная потребность становится более интенсивной. Эту духовно-иррациональную сторону проблемы часто обеспечивает литература.

Ключевые слова: хлеб, текст, контекст, система ценностей, эпос, речь, песня

Tadevos V. Tonoyan

*Yerevan State University
1 Alek Manukyan St., Yerevan, 0025, Republic of Armenia
tonoyantadevos@ysu.am, aghbyur@yandex.ru*

Ethnocultural and Value-Systematic Ideas about Bread in the Context of the Armenian Language

Abstract. There are phenomena that acquire a special significance in human life, both in material and spiritual terms. This occurs when the physical acquires spiritual and psychological content and begins to develop as a certain part of the human value system, expanding its ethno-cultural and value-based significance gradually. It is probably impossible to single out anything more important things for humanity than air, i.e. oxygen, bread, and water. Civilization has always combined perceptions of bread with irrational phenomena in order to alleviate the material burden, often for different purposes. These purposes can be divided into two categories. The first, perhaps, is the following: “In order to establish institutional control over the irrational passions of the soul (energy) and the rational claims of the spirit (will) of the masses, various socio-cultural and artistic practices (bread and circus, bread and faith, bread and ideology) were staged at different historical times” [Arutyunian, 2020, 16]. However, what is called the irrational side of this problem should not always be explained by the first, because a person also has a natural desire to achieve spiritual satisfaction, which was formulated by the formula “Not only by bread” [Matthew 4:4], since after achieving rational goals, a person again experiences spiritual insufficiency, often even in this case, his spiritual need becomes more intense. This spiritual-irrational side of the problem is often provided by literature.

Key words: bread, text, context, value system, epic, speech, song

**Временное (историческое, хронологическое)
и надвременное (надисторическое) восприятия текстов**

Существует множество как авторских, так и фольклорных текстов, в которых хлеб занимает важное место. Их настолько много, что часто составляются картотеки таких книг.

Образ хлеба уже давно приобрёл и духовное содержание, и в каждом текстовом упоминании о нём необходимо различать рациональные и иррациональные смысловые слои. А последние проявляются при разном восприятии. Их главное отличие – тип связи со временем: есть такое восприятие текста, которое обусловлено конкретным историческим моментом, и есть такое восприятие того же текста, которое не связано с историческим контекстом, в котором создавались тексты. Во втором случае сохраняются этнокультурные и ценностные реалии, поскольку любая реальная цивилизационная ценность имеет потенциал преодоления определённого периода. Поэтому их главная особенность в том, что они обладают сильнейшей устойчивостью ко времени. Проще говоря, существуют временное, историческое и надвременное, внеисторическое восприятия одного и того же текста.

Мы считаем, что каждое слово, которое также является именем, уже является текстом в той или иной мере, даже встречая его в словаре, мы взаимодействуем с его значением (значениями). Если мы встречаем в словаре слово *хлеб*, в нашем сознании возникает образ хлеба, а также контекст, связанный с этим понятием. Появляясь вместе с другими словами в единой текстовой среде, слово не может существовать вне их контекста, не учитывая различные варианты восприятия их значений. Семантическое восприятие этих других слов также может быть историческим или надисторическим. Можно даже образно сказать, что слово имеет столько значений, сколько существует вариантов его лексической сочетаемости.

Обилие этих значений можно разделить на две группы:

- а) поляризация объективных, прямых смыслов;
- б) поляризация метафорических значений, вплоть до превращения в символ, символизация.

Напомним, что самый распространённый текст во всём христианском мире – Молитва Господня – затрагивает и тему хлеба. Хлеб – один из важных символов христианского мира, и нам хотелось бы сначала выяснить, как значение слова *хлеб* понимается значительной частью человечества, христианами.

Для этого мы обратимся к текстам на армянском языке, по той простой причине, что армянский народ первым в истории человечества принял христианство в качестве государственной религии и идеологии. Конечно, в наших дальнейших работах логически необходимо сравнивать примеры на армянском языке с соответствующими текстами, созданными на других языках.

Хлебу в Армении поклонялись с древних времен: об этом свидетельствуют многие дохристианские обряды, связанные со старыми, дохристианскими богами: Астхик, Анаит, Михри и др., множество топонимов: Хацекац, Хацик, Хацарат, Хацци, Хацашен и др. (первый компонент этих топонимов – *Хац* – по-армянски означает хлеб и звучит как *hats*). Выбрасывать хлеб считалось грехом исторически – и считается грехом сегодня, потому что, войдя в печь, т.е. будучи освящённым в огне, он становился святым. По другой дохристианской традиции пшеницу подвешивают к колыбели младенца, чтобы ребенок не увидел в своей жизни засухи, его душа до конца жизни оставалась праведной, и люди любили его, как праведную пшеницу [Хачатрян, 1984, 112].

Армянская легенда христианской эпохи гласит, что как только крошка хлеба падает на землю, с неба спускается невидимый ангел и становится одной ногой на крошку хлеба, чтобы она не упала вам под ноги. А так как стоять на одной ноге довольно сложно и утомительно, люди должны помочь ангелам, немедленно поднять упавший хлеб с земли и положить его на высокое место. Таких традиций, связанных с христианской верой, немало.

Вообще хлеб – одна из важных составляющих армянского ритуала, как в дохристианский период, так и после принятия христианства. Но каково соотношение значений слова *хлеб* (хлеб как основа биологического существования – и хлеб как

основа цивилизованного существования), зафиксированных в армянской речи (коллективных и индивидуальных текстах), в концептосфере армянского языка?

Соотношение между физическим и духовным восприятием хлеба

Отметим, что роль хлеба велика и во фразеологической сфере армянского языка. Пожалуй, наиболее ярко это демонстрирует пословица «Где хлеб, там и жизнь» [Сукиасян, Галстян, 1975].

Хотя многие из известных примеров текстов, связанных с хлебом, были созданы уже после принятия христианства в Армении, они также насыщены дохристианскими элементами. Главный из них, конечно же, армянский эпос «Сасна Црер», в котором природа хлеба раскрывается от бытового уровня до духовно-идеологического уровня. В эпосе хлебу принадлежит большая роль и как важной составляющей жизнедеятельности человека, и как тайне духовно-нравственного существования. Последнее выражается через постоянно звучащее из уст героев эпоса выражение «Хлеб и вино, Господь живой», которое, согласно разным научным точкам зрения, является одновременно молитвой и поощрением, лозунгом и клятвой, связанной с Евхаристией христианской литургии, собором живого Бога.

Тема хлеба в народных произведениях всегда была связана с борьбой за существование, но вопрос о физическом существовании не отделялся от вопроса о морали (которая была христианской около полутора тысячелетий), т.е. от вопроса цивилизованного бытия. То же самое можно сказать и о художественной литературе, созданной отдельными армянскими писателями: тема обсуждалась в произведениях средневековых авторов Григора Нарекаци [1985], Нерсеса Шнорали [1973] и авторов нового периода: Перча Прошяна [1962], Нар-Доса [1989], Даниэла Варужана [1969], Ованеса Туманяна [1988], Вильяма Сарояна [1963], Ваагна Давтяна [2018], Амо Сагяна [1977], Гранта Матевосяна [1978] и других.

Тема хлеба, обсуждаемая в армянской художественной литературе, исследовалась и учёными: Манук Абемян [1951], Арам Ганалаян [1960], Саргис Арутюнян [1975], Гайк Хачатрян [1984], Карине и Саакян, Роза Оганесян [2013], Грануш Хачатрян-Аракелян [2005], Эдвард Арутюнян [2020], Гайк Амбарцумян [2022] и другие.

Если основой физического существования является хлеб, то основой духовно-цивилизованного существования является речь. В художественных текстах физический хлеб и духовный хлеб обычно противопоставляются. В художественном мышлении область цивилизованного существования дополняется физическим и духовным хлебом, причём «география» каждого из них обычно расширяется за счет другого. Уменьшение размера первого увеличивает размер второго и наоборот.

Начиная с молитвы Господней, в которой необходимость просить хлеба, обеспечивающего физическое существование, является «насушный» и идёт параллельно с прощением долгов, т.е. духовным хлебом («как и мы прощаем должникам нашим» [Новый Завет: Евангелие от Матфея: 6:12]), заканчивая вопросом ожесточённой борьбы за хлеба под солнцем, армянский контекст («контекст – это совокупность текстов, созданных на одном и том же языке, которым данное общество, народ придают большое значение, считают важными, запоминая, запоминая и передавая из поколения в поколение») [Тоноян 2017], похоже, проблему хлеба пытается решить постоянно. В армянских текстах созданы образы хлеба как на временном (историческом), так и на надвременном (надисторическом) уровнях. Эти два уровня проявляются особенно в армянских стихотворных текстах и, естественно, в тех текстах, которые являются фольклорными, т.е. несут на себе печать народного мышления.

В прозе тема хлеба обычно сводится к борьбе за физическое существование между людьми и разными социальными группами. Здесь господствует хронико-исторический пласт восприятия хлеба, который становится основой изображения отношений между людьми и различными общественными группами в исторической среде. Ярким примером тому является роман Перча Прошяна, представителя армянской реалистической прозы 19-ого века, «Из-за хлеба».

Временное (историческое, хронологическое) и надвременное (надисторическое) восприятия текстов по сборнику Даниэла Варужана «Песнь хлеба»

Образ хлеба гораздо более многогранен в поэзии, где кристаллизуются как его хронико-исторический, так и надисторико-символический пласты. В армянской

поэзии можно найти множество стихотворений, посвящённых хлебу, но характерна в этом отношении книга «Песнь хлеба» армянского поэта 20-ого века Даниэла Варужана (впервые она была опубликована в 1921 г. после трагической смерти Даниэла Варужана в 1915 г., вдова Варужана Аракси Ташджян-Варужан подкупила сотрудника турецкой цензуры и проникла в подвал, где хранились конфискованные рукописи армянских писателей. В предисловии к книге упоминается, что в запланированной Варужаном серии отсутствуют шесть последних стихотворений, названия которых были записаны в карманной записной книжке поэта). С точки зрения вышеупомянутой двухслойности восприятия, эта книга является, пожалуй, важнейшим материалом, дающим точное представление о ценностном значении хлеба в армянском языковом мышлении. «Песнь хлеба» представляет собой сборник из около трёх десятков стихотворений, и этот сборник представляет наибольший интерес в контексте нашего исследования.

Каждое из стихотворений сборника «Песнь хлеба» представляет собой один отдельный эпизод процесса получения хлеба. Следует, однако, отметить, что это лишь внешнее впечатление, поскольку всю коллекцию отличает зашифрованность символической сущности хлеба. В сборнике описаны поля, земледельцы, пахота, жатва, подводы, гумно, амбары и т.д., но возникает необходимость раскрыть суть того, каково символическое значение хлеба в контексте сборника. Именно благодаря этому открытию мы сможем более правильно и глубоко оценивать восприятие хлеба и его ценностное значение в армянском языковом мышлении в целом.

Весь текст сборника «Песнь хлеба» пронизан языческими мотивами, а также говорит о трудолюбии наслаждении от существования в этом мире, настоящими, осязаемыми вибрациями хлебоприготовления до такой степени, что даже аромат хлеба словно материализуется в сборнике. Но не мешают ли поэтические размышления о реалиях мирской жизни, присутствующие в сборнике, раскрыть, каково ценностное значение хлеба в армянском языковом мышлении?

В стихотворении Варужана «Пашные земли» особое внимание привлекает то, что весь бытовой процесс приготовления хлеба сопровождается высокими умственно-духовными качествами: фактически перед пахущим человеком ставится требование духовной и нравственной чистоты:

Пахарь поет, крепко держа плуг в сильной руке,
И он рисует свой путь так же прямо, как и его душа [Варужан, 1969, 293].

Можно увидеть формулу, согласно которой хлеб, который нужно есть каждый день, подобен душе того, кто этот хлеб кропотливо создавал. Это, в свою очередь, означает, что процесс творения хлеба превращается в путь творения души. На самом деле идея создания хлеба в сборнике «Песнь хлеба» неотделима от идеи создания души, ибо сводится как к совету хлеба, необходимому для физического существования, так и к совету духовно-нравственного существования: «рисует свой путь так же прямо, как и его душа». Согласно тексту Варужана, создание хлеба является также созданием души [Тоноян, 2016а, 380]. Если обобщить, то следует отметить, что в армянской картине мира хлеб – это ещё и пища души. Зафиксируем, что, пожалуй, самым ярким символом духовного является песня – как продукт цивилизованности, сочетание логичной речи и чувственного голоса, мелодии. Именно гармония этих двух определила название сборника – «Песнь хлеба». Также в области этих представлений попробуем конкретизировать интерпретацию некоторых текстовых отрывков сборника.

Прежде всего следует констатировать, что эталон цивилизованности – именно песня, её компоненты – речь и мелодия, как совет жизненности, сопровождают весь сборник Варужана «Песнь хлеба». В этом отношении эпиграф книги чрезвычайно красноречив: «И рождаются мои мелодии...». Атмосфера стихотворения «Земледельцы» наполнена песней:

Только они слышали плавную песню лимфы [Варужан, 1969, 291].

В стихотворении «Жатва» вся вселенная наполнена песней:

И в тишине полей вот сверчок просыпается,
Он наполняет своими песнями всю бездонную вселенную [Варужан, 1969, 307].

В упомянутом выше стихотворении «Пашные земли» сотворение хлеба и души также сопровождается песней, песня становится симбиозом души и хлеба:

Пахарь поет, крепко держа *плуг* в сильной руке,
И он рисует свой путь так же прямо, как и его душа [Варужан, 1969, 293].

А в стихотворении «Сев» трудно разделить материальную и духовную грани восприятия образа хлеба:

Пахарь, сей ради Господа,
Пусть яркие семена сыплются из твоих пальцев [Варужан, 1969, 295].

Через эти строки стихотворений Варужана мы убеждаемся, что в ценностной системе текста армянской поэзии хлеб является не только залогом чисто физического существования, но и знаком, символизирующим тело Христово, то есть христианское начало. духовное таинство причастия. Продолжение стихотворения «Сев» является просто ключом к сборнику «Песнь хлеба», ставящим задачу переосмысления всего данного стихотворения и всего сборника:

Завтра в каждом молочном колосе пшеницы
Часть тела Иисуса созреет... [Варужан, 1969, 295].

Стихи такого содержания заставляют нас в нескольких словах задуматься о природе Иисуса Христа. А Иисус – это Слово. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово **было Бог**» [Ин. 1:1]. Хлеб созревает на колосе, зная это, автор пишет, что в колосе созревает часть тела Иисуса. И в варужанском, другими словами, армянском ритуале песня хлеба также становится песней Иисуса, следовательно, песней Слова (Иисуса). Поэтому мы будем неправы, если сравним «Песнь хлеба» только с дохристианской языческой действительностью, а весь сборник имеет весьма существенный христианский пласт. Цитированные строки из стихотворения Варужана «Сев» позволяют предположить, что всякий раз, когда в армянском тексте говорится о хлебе, помимо всего прочего, необходимо задуматься о его христианском понимании.

Временное (историческое, хронологическое) и надвременное (надисторическое) пласты восприятия хлеба с сочетанием армянской поэзии и фольклорных произведений

Чтобы иметь возможность обосновать, что эти взгляды, наши мысли, высказанные в отношении сборника «Песнь хлеба» поэта Варужана, относятся не только к творчеству отдельного автора, но и вытекают из всего контекста армянского языка, мы должны также обратиться к другим авторам и фольклорным примерам, связанным с хлебом. Конечно, самой впечатляющей и самой употребляемой из них в армянском языке является народная поговорка «Где хлеб, там и жизнь». Хронико-исторический пласт этой пословицы говорит о том, что надо жить там, где есть хлеб, еда, питание, т.е. надо стремиться к материальному благополучию. На первый взгляд, поговорка своим по своему смыслу несовместима с высокими человеческими, цивилизованными духовными ценностями. Эта пословица не вполне соответствует духовной и культурной природе человека, но его настойчиво вспоминают и повторяют как девиз образа жизни, жизни вообще, объяснения или интерпретации человеческого поведения.

Конечно, такая настойчивость должна иметь объяснение. Мы думаем, что если бы это был обычный, однослойный текст, пословица «Где хлеб, там и жизнь»

не повторялась бы так часто в армянской речи. Мы убеждены, что если какой-либо текст, закреплённый в данном языке, не забывается, то он всегда и непрерывно получает поддержку, какое-то жизнеобеспечение из контекста этого же языка. Поэтому армянский контекст «почему-то» постоянно придает живость тексту «Где хлеб, там и жизнь», тексту, который на первый взгляд, как мы уже говорили, не очень гармонирует с нравственными представлениями цивилизация. Так зачем же ему жизненную силу? Конечно, если данный текст имеет потенциал для запоминания, это доказывает, что он является частью контекста данного языка. И это относится и к пословице «Где хлеб, там и жизнь». Как самостоятельный, буквальный текст, как мы уже говорили, он может оскорблять достоинство человека, исповедующего высокие духовные ценности, однако в рамках контекста, с его доисторически-транстемпорально-символическим слоем, он стремится гармонизировать некоторые части армянского дохристианского мышления и христианской психологии.

Заметим, что когда Варужан, имея в виду хлеб в стихотворении «Сев», говорит «в каждом молочном колосе пшеницы Часть тела Иисуса созреет», его текст откровенно органично перекликается с библейским текстом. Согласно Библии, во время Тайной Вечери, когда Иисус, сидя за пасхальным столом с двенадцатью апостолами, Иисус взял хлеб, произнёс над ним благословение, разломил и дал Своим ученикам: «Возьмите, ешьте, это тело Мое!» [Мф. 26; 28:00], <...> *Затем* взял чашу и, возблагодарив *Бога*, подал им со словами: “Пейте из неё все! Это – кровь Моя, Кровь Нового Завета, которая проливается за многих для прощения грехов их” [Мф. 26; 28:00]. Это сочетание хлеба и вина мы рассмотрим чуть позже, а пока подчеркнём, что армянская пословица «Где хлеб, там и жизнь» несёт себе печать влияния христианства. Оно определяет жизнь следующим образом: бытие, жизнь там, где хлеб. Но хлеб – это Христос, потому что хлеб – это Тело Христово. А поскольку Иисус есть Слово Божие, Слово, то и тело Христово есть само слово Божие. Всё это заставляет нас прочесть текст армянской народной пословицы «Где хлеб, там и жизнь» следующим образом: «Где Христос (хлеб), там жизнь», и если Христос – Слово, посланное от Бога на землю, то изречение следует понимать следующим образом: «Где слово Божие, Христос (хлеб), там жизнь», то есть где слово, там жизнь (хлеб). Поэтому строка «в каждом молочном колосе пшеницы Часть тела Иисуса созреет» стихотворения «Сев» заставляет название сборника «Песнь хлеба» перечитать: «Песнь Слова Господня». Строка «в каждом молочном колосе пшеницы Часть тела Иисуса созреет» настолько прямая, что её вполне достаточно для обоснования нашей точки зрения, но правильность нашей мысли о ценностной системе контекста армянского языка подтверждается и другим текстовым фрагментом стихотворения сборника Варужана. Продолжая чтение стихотворения «Сев», мы натываемся на подобное «неожиданное»:

Какая трата, птицы украдут твоё зерно!
Бог вместо них посеет жемчуг [Варужан, 1969, 295].

Трудно сказать, говорит ли это писатель Варужан о жемчуге, который, согласно каноническому тексту, не следует рассыпать перед свиньями, или здесь пришивается контекст армянского языка, сразу после строки, в которой хлеб понимается как тело Иисуса, восстанавливая текст популярной поговорки «Не разбрасывайте жемчуг перед свиньями»? Возможно, и то, и другое. Нет никакой разницы: в основе лежит та же языковая система ценностей. Процесс проявления такой системы ценностей продолжает текст Варужана (возможно, независимо от автора) в стихотворении «Первые ростки»:

У каждого ростка во рту жемчужина [Варужан, 1969, 298].

Поскольку слово исходит изо рта, и жемчужина также находится в устье ростка, то не является ли это библейской жемчужиной-словом? Жемчужина во рту – это слово, слово, которое нельзя разбрасывать перед свиньями.

Вот как синонимическое восприятие речи и жизни в сборнике Варужана «Песнь хлеба», преодолевая сферу исторического (хроно-бытового) восприятия, превращается в часть системы ценностей, сохраняемой в контекст армянского языка. Нельзя обойти вниманием следующие строки из стихотворения «Ночь гумней» в книге «Песнь хлеба».

И вот, однажды лёжа под сияющим небом
Мои любящие родители-земледельцы зарождали меня [Варужан, 1969, 298].

Это подсознательный и контекстуальный намёк на то, что сам человек (как в данном случае автор стихотворения) является результатом процесса хлебопечения; отец и мать зачинают своего ребенка на гумне, где собирают хлеб. Обратим внимание, что армянский контекст «организует» рождение человека процессом приготовления хлеба, особенно на гумне, то есть там, где хлеб собирается и концентрируется, хотя это упоминание могло быть и в поле, могло быть и во время посев, параллельный процессу уборки урожая и т. д.

Продолжая чтение текста Варужана, мы сталкиваемся с ещё одной загадочной реальностью:

Они родили меня, с широко открытыми добрыми глазами
Глядя на самую большую, яркую Звезду на небе... [Варужан, 1969, 298].

Нельзя не отметить параллелизм этих строк с новозаветным текстом «и звезда, которую они видели на востоке, шла перед ними, пока не пришла и не остановилась над местом, где был ребёнок» [Мф. 2:9]. Почему? Потому что Варужан Звезду написал с большой буквы, потому что с ней связано его рождение, так же, как рождение Иисуса, Хлеба Жизни, связано с упомянутой звездой, виденной на востоке. «Этот хлеб живой – Я, сошедший с Небес; кто ест этот хлеб, жить будет вечно. Хлеб, который Я дам, – это плоть Моя. Отдаю её, чтобы мир мог жить» [Ин. 6:51]. В стихотворении Варужана ребенок рождается там, где хлеб, в гумне, под покровительством величайшей Звезды, подобной Иисусу, который, согласно Новому Завету, является хлебом жизни.

Эта тайная контекстуальная связь между новозаветным текстом о рождении Иисуса и рождением ребенка меняет «вкус» слова **хлеб** в сборнике Варужана «Песнь хлеба»: от этого слова исходит «аромат» Иисуса, Его слова.

А за стихотворением «Ночь гумней» сразу следует стихотворение «Хачбур» (красивый букет колосьев пшеницы, имеющий форму креста) как подлинная печать того, как текст армянской поэзии «плетёт» колосья из хлеба, пшеницы:

Я сплела их прядь за прядью,
Придав форму креста Сына Твоего,
Чья кровь, каждую Пасху, святую жертву,
Наши канавки пьют [Варужан, 1969, 318].

В тексте следующего стихотворения уже смешаны хлеб и песня, хлеб и речь:

В водовороте красновато-желтого урожая
Я плаваю со своими песнями [Варужан, 1969, 320].

Мы полагаем, что всё это дает нам право утверждать, что в стихах Варужана (что подразумевается в армянском контексте) слово **хлеб** – это Иисус, а Иисус – это слово. Иными словами, в сборнике «Песнь хлеба» слово Божие и слово Варужана смешаны как контекстуальное неразрывное единство ценностной системы армянского языка.

Текст Варужана доказывает истинность принципа восприятия хлеба как речи (в частности, песни) и речи (в частности, песни) как хлеба в ценностной системе армянского языка, и даёт право на такое восприятие.

А если вспомнить, что Варужан ранее намеревался назвать свою «Песнь хлеба» «Песнь речи» [Аветисян, 2012, 120], то логическая цепочка будет завершена.

Теперь, приняв во внимание результаты проведённого анализа, рассмотрим приведённую в начале статьи фразу «Хлеб и вино, Господь живой» из армянского эпоса «Сасна Црер» и прокомментируем, что означает вино рядом с хлебом: «И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из неё все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов. Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего» [Мф. 26; 26–30].

Эпос, как фольклорный шедевр, является центральной частью армянской языковой концептосферы, и это выражение из уст его героев в решающие, судьбоносные моменты есть просто упоминание («Сделай это в память обо мне») об Иисусе Христе, который для армян является Богом. «Хлеб и вино, Господь живой» равно значению «Иисус (Хлеб), принесший Себя в жертву (вино) за людей, есть Бог живой».

Чтобы доказать, что эти представления о хлебе носят общий характер в текстах, созданных на армянском языке, приведём ещё несколько примеров из текстов других авторов.

Так, например, поэт 10-ого века Григор Нарекаци в своём произведении «Мелодия Воскресения» пишет:

Ешьте мой хлеб
И пейте моё вино, чтобы
Жить бесконечно,
Бесстрашный навсегда... [Нарекаци, 2013, 23–24].

Цитата кажется точным пересказом евангельских слов Христа, которые мы уже приводили в этой статье.

В одной из своих песен поэт 12-ого века Нерсес Шнорали называет каждое Лицо Святой Троицы хлебом жизни [1973].

В стихотворении поэта 20-ого века О. Туманяна «Хижина» голодные дети просят у матери хлеба, последняя лежит больная и пытается успокоить детей, что скоро придёт отец и принесёт им хлеба. Отец опаздывает, а мать говорит:

Есть на небе дедушка,
У него там много хлеба...
Он так вас любит!
Он не оставит вас голодными...
Я пойду туда и скажу ему
Вы голодны, мои дети... [Туманян, 1988, 143].

Однако больная мать и дети ждут напрасно, потому что их отец не может вернуться с хлебом. И конец стихотворения очень символичен: мать уже никогда не сможет их услышать, она умерла, то есть ушла на небо к Богу, чтобы послать оттуда хлеб:

Но она больше не слушала,
Многострадальная мать,
Она закрыла глаза навсегда
Она пошла отправить хлеб [Туманян, 1988, 143].

Связь между Богом и хлебом и здесь нетрудно заметить.

Таких примеров немало в литературных произведениях, созданных на армянском языке. Это свидетельствует о том, что действительно духовное содержание хлеба является одной из ценностных основ контекста армянского языка.

Заключение

Этнокультурно-ценностные представления о каком-либо явлении действительности, предмете фиксируются в системе языкового мышления данного народа. Они раскрываются и в фольклорных произведениях данного народа, и в произведениях пользующихся безусловно высоким авторитетом отдельных писателей. Между ними существует постоянная связь, которая ощущается в художественных раскрытиях явлений и предметов, имеющих первостепенное значение для человека и общества, когда эти явления, реальности, предметы приобретают для человека в ходе исторического развития как материальное, так и духовное значение. Именно в это время литературные тексты, изображающие один из них, например, хлеб, приобретают двухслойное восприятие. И есть необходимость и возможность правильно оценить явление, представленное в данных художественных текстах, соединив эти два пласта: временное (историческое, хронологическое) и надвременное (надисторическое). Сочетание этих подходов в нашей статье позволило воспринять феномен хлеба как ценностную реальность в языковом мышлении. Мы попытались увидеть взаимосвязь христианского восприятия хлеба, отдельных текстов, в частности, сборника «Песнь хлеба» Даниэла Варужана, армянских писателей разных эпох, и фольклора, коллективных произведений. Повседневное (материальное) восприятие хлеба в ценностной системе армянского языка сочетается с христианским восприятием хлеба.

Библиографический список

1. Аветисян, Ю. Лингвистические и стилистические анализы творческих разработок западноармянских поэтов / Ю. Аветисян. – Ереван: Зангак, 2012. – 120 с.
2. Амбарцумян, Г. Мотивы еды в эпосе «Сасна Црер» и в армянской средневековой литературе. Меню героев / Г. Амбарцумян // Банбер Матенадарани. – 2022. – № 33. – С. 105–132.
3. Арутюнян, С. Жанр проклятия и благословения в армянском фольклоре / С. Арутюнян. – Ереван: Академия наук Армянской ССР, 1975. – 270 с.
4. Арутюнян, Э. Здесь и сейчас: хлеб и очевидность / Э. Арутюнян // Вестник Ереванского университета: Философия, Психология. – 2020. – № 2 (32). – С. 3–16.
5. Варужан, Д. Сочинения / Д. Варужан. – Ереван: Айастан, 1969. – 356 с.
6. Ганалаян, А. Т. Арацани / А. Т. Ганалаян. – Ереван: Академия наук Армянской ССР, 1960. – 396 с.
7. Давтян, В. Звезда и пшеница» (Избранное) / В. Давтян. – Ереван: Эдит Принт, 2018. – 776 с.
8. Матевосян, Г. Наш бег / Г. Матевосян. – Ереван: Советский писатель, 1978. – 240 с.
9. Нар-Дос. Сборник сочинений в четырех томах / Нар-Дос. – Ереван: Советский писатель, 1989. – Т. 1. – 688 с.
10. Нарекаци, Г. Книга скорбных песнопений / Г. Нарекаци. – Ереван: Академия наук Армянской ССР, 1985. – 1124 с.
11. Нарекаци, Г. Книга скорбных песнопений. Песни / Г. Нарекаци. – Ереван: Зангак, 2013. – 592 с.
12. Новый Завет [Электронный ресурс]. – URL: <https://orthodoxbible.ru/bible.php> (дата обращения 15.01.2025).
13. Прошян, П. Сборник сочинений. Т. 1: Из-за хлеба, Шаген / П. Прошян. – Ереван: Айпетрат, 1962. – 684 с.
14. Саакян, К. Оганесян Р. Народные представления и поверья, связанные с хлебом / К. Саакян // Научные труды. Национальная академия наук Армении. – № 15. – 2013. – С. 79–86.
15. Сагян, А. Ирикнахац (стихи) / А. Сагян. – Ереван: Советский писатель, 1977. – 308 с.
16. Сароян, В. Мое сердце в горах (пьеса) / В. Сароян. – Ереван: Айпетрат, 1963. – 356 с.
17. Сасна Црер, под редакц. М. Абеяна при сотрудничестве К. Мелик-Оганджяна. – Ереван: Айпетрат, 1951. – 1004 с.
18. Сукиасян, А. Фразеологический словарь армянского языка / А. Сукиасян, С. Галстян. – Ереван: Ереванский государственный университет, 1975. – 614 с.
19. Тоноян, Т. Армянский текст и система ценностей языкового мышления / Т. Тоноян. – Ереван: Вачаган Барепашт, 2016. – 404 с.
20. Тоноян, Т. В. Контекст и текст / Т. В. Тоноян // Банбер – Ереванский государственный университет социальных наук имени В. Брюсова. – 2017. – № 1 (40). – С. 652–660.
21. Туманян, О. Полное собрание сочинений / О. Туманян. – Ереван: Академия наук Армянской ССР, 1988. – Т. 1. – 695 с.

22. Харатян-Аракелян, Г. Армянские народные праздники / Г. Харатян-Аракелян. – Ереван: Зангак-97, 2005. – 360 с.
23. Хачатрян, Г. Ацапатум / Г. Хачатрян. – Ереван: Айастан, 1984. – 184 с.
24. Шнорали, Н. Скорь Эдессы / Н. Шнорали. – Ереван: Академия наук Армянской ССР, 1973. – 157 с.

Текст поступил в редакцию 25.11.2024.

Принят к печати 23.12.2024.

Опубликован 26.06.2025.

References

1. Ambartsumyan H. *Banber Matenadarani* [Bulletin of Matenadaran], 2022, no. 33, pp. 105–132 (In Armenian).
2. Arutyunyan E. *Vestnik Yerevanskogo universiteta: Filosofiya, Psikhologiya* [Bulletin of Yerevan University: Philosophy, Psychology], 2020, no. 2 (32), pp. 3–16 (In Armenian).
3. Arutyunyan S. *Zhanr proklyatiya i blagosloveniya v armyanskom fol'klore* [The genre of curses and blessings in Armenian folklore]. Yerevan: Akademiya nauk Armyanskoy SSR Publ., 1975, 270 p. (In Armenian).
4. Avetisyan Yu. *Lingvisticheskiye i stilisticheskiye analizy tvorcheskikh razrabotkov zapadnoarmyanskikh poetov* [Linguistic analyzes of creative developments of Western Armenian poets]. Yerevan: Zangak Publ., 2012, 120 p. (In Armenian).
5. *Bibliya. Novyy Zavet* [The Bible. New Testament].
6. Davtyan V. *Zvezda i shhenitsa (Izbrannoye)* [Star and Wheat (Selected)]. Yerevan: Edit Print Publ., 2018, 776 p. (In Armenian).
7. Ganalanyan A.T. *Aratsani* [Proverbs]. Yerevan: Akademiya nauk Armyanskoy SSR Publ., 1960, 396 p. (In Armenian).
8. Khachatryan G. *Atsapatum* [History of bread]. Yerevan: Ayastan Publ., 1984, 184 p. (In Armenian).
9. Kharatyan-Arakelyan G. *Armyanskiye narodnyye prazdniki* [Armenian Folk Festivals]. Yerevan: Zangak-97 Publ., 2005, 360 p. (In Armenian).
10. Matevosyan G. *Nash beg* [Our Run]. Yerevan: Sovetskiy pisatel' Publ., 1978, 240 p. (In Armenian).
11. Nar-Dos. *Sbornik sochineniy v chetyrekh tomakh* [Collection of Works in 4 Volumes. Vol. 1]. Yerevan: Sovetskiy pisatel' Publ., 1989, 688 p. (In Armenian).
12. Narekatsi G. *Kniga skorbnnykh pesnopeniy* [The Book of Sadness]. Yerevan : Akademiya nauk Armyanskoy SSR Publ., 1985, 1124 p. (In Armenian).
13. Narekatsi G. *Kniga skorbnnykh pesnopeniy. Pesni* [The Book of Sadness. Songs]. Yerevan : Zangak Publ., 2013, 592 p. (In Armenian).
14. Proshyan P. *Sbornik sochineniy. 2. Iz-za khleba, Shagen* [Collection of Works. Vol. 2. Because of Bread, Shagen]. Yerevan: Aypetrat Publ., 1962, 684 p. (In Armenian).
15. Saakyan K., Oganesyanyan R. *Nauchnyye Trudy. Natsional'naya akademiya nauk Armenii* [“Scientific Works” of the National Academy of Sciences of the Russian Academy of Sciences], no. 15. 2013, pp. 79–86 (In Armenian).
16. Sagyan A. *Iriknakhats (stikhi) Iriknakhats* [Dinner (poems)]. Yerevan: Sovetskiy pisatel' Publ., 1977, 308 p. (In Armenian).
17. Saroyan V. *Moye serdtse v gorakh (p'yesa)* [My Heart in the Mountains (play)]. Yerevan: Aypetrat Publ., 1963, 356 p. (In Armenian).
18. *Sasna Tsrer*. Ed. M. Abeghyan in cooperation with K. Melik-Oganjanyan. Yerevan: Aypetrat Publ., 1951, 1004 p. (In Armenian).
19. Shnorali N. *Skorb' Edessy* [Lament of Edessa]. Yerevan: Akademiya nauk Armyanskoy SSR Publ., 1973, 157 p. (In Armenian).
20. Sukiasyan A., Galstyan S. *Frazeologicheskiy slovar' armyanskogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Armenian Language]. Yerevan: Yerevanskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 1975, 614 p. (In Armenian).
21. Tonoyan T. *Armyanskiy tekst i sistema tsennoy yazykovogo myshleniya* [The Armenian Text and Value System of Armenian Linguistic Thinking]. Yerevan: Vachagan Barepasht Publ., 2016, 404 p. (In Armenian).
22. Tonoyan T.V. *Banber – Yerevanskiy gosudarstvennyy universitet sotsial'nykh nauk imeni V. Bryusova* [Bulletin of Yerevan State University of Social Sciences named after V. Bryusov]. 2017, no. 1 (40), pp. 652–660 (In Armenian).
23. Tumanyan O. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Works]. Yerevan: Akademiya nauk Armyanskoy SSR Publ., 1988. Vol. 1, 695 p. (In Armenian).
24. Varuzhan D. *Sochineniya* [Works]. Yerevan: Ayastan Publ., 1969, 356 p. (In Armenian).

Submitted for publication: November 25, 2024.

Accepted for publication: December 23, 2024.

Published: June 26, 2025.